

Иеродиакон Владимир (Палибрк)

ПАРАДИГМА ПОСТМОДЕРНА В РОМАНЕ «БЕСЫ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье анализируется становление парадигмы постмодерна, означающей в размышлениях мыслителей традиционно-религиозного толка (Дугин, Генон) состояние демонизации общества и человека, на примере романа Ф. М. Достоевского «Бесы». Композиция романа «Бесы» вращается вокруг следующей оси — показать постмодернистское состояние русской интеллигенции, становящейся сосудом демонов, вследствие увлечения безбожно-аморальным социализмом. В «Бесах» Достоевский сумел показать, как постпетровская беспочвенная интеллигенция оторвалась от своих метафизических корней, и, чтобы выздороветь, она должна прийти ко Христу. Беспочвенность русской интеллигенции отражается так, что она, с одной стороны, оторвалась от Христа, а с другой — от своего народа. Не удивляет, что в запрещенной главе Тихон хочет, чтобы Ставрогин для искупления своего преступления принял подвиг тайного монашества. Возвращение к своей национальной почве, возвысившейся над народом интеллигенции, возможно только через возвращение ко Христу. Демоническое вторжение, как отличающийся знак эпохи постмодерна описал в своем романе-трагедии великий прозаик никак не в ключе агонии безысходности, так как Христос в его романах всегда рядом с грешниками, ожидая их с протянутой спасительной десницы. Особенность демонологии Достоевского в том, что несмотря на описание ужаса бесовского вторжения в человеческий мир и воздействия на людей, мир сам не превращается полностью в бесовскую структуру и дьявольское произведение, в котором не было бы места для теодицеи и антроподицеи. Слово Божие слышится во всех романах «великого пятикнижия», даже и в «Бесах». На него откликнулся Степан Трофимович Верховенский, что само по себе свидетельствует о сотериологическом конце повествования.

Ключевые слова: Парадигма постмодерна, роман-трагедия «Бесы», Ф. М. Достоевский, демоническое вторжение, спасение, Охристовленная Россия, Постмодернистско-Гадаринская Европа.

Методологический принцип разделения истории на несколько фундаментальных эпох имеет особое значение в историсофской науке. Прогрессистский взгляд на историю выявил Гегель учением, что история является процессом развертывания абсолютной идеи. Процесс движения

Иеродиакон Владимир (Палибрк) — аспирант Санкт-Петербургской духовной академии (borispalibrk@yahoo.com).

истории диалектичен — это процесс конфликта и борьбы — тезис и антитезис — который разрешается в осуществлении гармонии и примирения — синтез.

Всемирная история как прогресс в сознании свободы, по Гегелю, осуществит свою цель только тогда, когда носителем мирового духа станет германский народ: «Восток знал и знает только, что один свободен, греческий и римский мир знает, что некоторые свободны, германский мир знает, что все свободны». Против этой прогрессистской модели в исторической науке возражал Н. С. Трубецкой, чьи историософские взгляды составляют ядро евроазиатского мировоззрения. Фундаментальные категории, с которыми оперирует европейская историографическая наука, такие как «европейский космополитизм»; «требование всеобщей европеизации в силу того, что романо-германская культура является общечеловеческой культурой» представляют, по Трубецкому, «общеромано-германский шовинизм», свидетельствующий о том, что европейская наука находится во власти «эгоцентрической психологии»¹.

Современный отечественный философ А. Г. Дугин, продолжая идти по пути разоблачения евроцентрического видения мира, дает свою концепцию исторического развития. Базовая идея, входящая в концептуальный узел его историософского мировоззрения, определяется как «религиозный принцип». Модель прогресса западного либерализма — полярная противоположность духовной практике традиционного общества.

Итак, А. Г. Дугин делит историю человеческой мысли на три фундаментальные категории, он их называет парадигмами:

- 1) традиционное общество или **парадигма преמודерна**;
- 2) общество Нового времени или **парадигма модерна**;
- 3) постиндустриальное общество или **парадигма постмодерна**.

Описывая эти явления как три самостоятельные парадигмы, А. Г. Дугин особое внимание уделяет феномену «смена парадигмы». Русский философ обращает внимание на то, что мы сегодня живем в эпоху «парадигмального сдвига». Человечество переходит из состояния эпохи модерна в эпоху постмодерна. Однако, прежде этого, произошел первый фазовый переход — смена парадигмы, когда эпоха Нового времени (модерн) заняла место Традиционного общества (премодерн). В центре парадигмы преמודерна стоит **религия**. Для идейных творцов

¹ См.: Трубецкой Н. С. Европа и человечество // Классика геополитики, XX век: Сб. М.: «Издательство АСТ», 2003. С. 9.

нового мира и нового человека существенным явился следующий посыл: для того, чтобы возникла идея прогресса, человечество должно освободиться от всех закабаляющих практик древнего мира, в том числе и от всех сакрализованных форм бытия.

Так, например, создатель социологии Огюст Конт полагал, что прогресс в социальной жизни человечество приобретает только тогда, когда переходит с традиционно-теологической стадии на современно-научную. Вместо Бога (присущего парадигме преמודерна), человек модерна выбрал в качестве предмета обожествления свой Разум, так как основной лейтмотив эпохи Просвещения заключался в призыве: «Мы разрушим царство религии и построим царство разума»².

Весь пройденный путь в рамках парадигмы модерна, есть ни что иное, как догматизация науки и превращение ее в своего рода суррогат религии³. Против этой новой гуманистической религии выступили французские постструктуралисты. Эти философы-постмодернисты (Ж. Деррида, М. Фуко, Ж. Лиотар, Ж. Делез, Ф. Гваттари и пр.) обвинили модерн в том, что он не справился с поставленной задачей. А. Г. Дугин объясняет, что постмодернисты начали говорить, что после смерти Бога, случившейся в модерне, человек сам стал диктатором, и эту диктаторскую функцию утвердил в качестве новой гуманистической религии. «Фуко продолжает ницшеанскую программу борьбы с суевериями, худшими из которых являются суеверия «субъекта» и «Я», — пишет отечественный знаток французского постструктурализма А. В. Дьяков⁴. Заметим также, что логика разоблачения субъекта в рассуждениях Ницше, привела постструктуралистов к дискурсу «смерти субъекта», «смерти человека».

---

² Дугин А. Г. Постфилософия — три парадигмы в истории мысли. URL: <http://www.platonizm.ru/book/export/html/124>. (дата обращения: 01.04.2016).

³ Как говорил Эрнст Мах «наука превратилась в церковь», понимая под этим догматическое мнение сциентистов об истинности научных теорий. Пол Фейерабенд определяет науку как «наиболее современный, наиболее агрессивный и наиболее догматический религиозный институт». В разоблачении сциентического культа немецкий философ Курт Хюбнер написал замечательную книгу «Критика научного разума», в которой ему удалось уловить тонкую параллель между научной моделью и мифом. Постструктуралист Фуко, вслед за Ницше, критикует научное сознание, потому что оно представляет собой форму аскетического идеала. «Как и аскетический идеал, — пишет об этой ницшеанско-фукольдианской критике сциентического культа отечественный философ А. В. Дьяков, — наука зиждется на преувеличенной оценке истины, т. е. на вере в недевальвируемость и некритикуемость истины». См.: Дьяков А. В. Философия пост-структурализма во Франции. Нью-Йорк: Издательство «Северный Крест», 2008. С. 82.

⁴ Дьяков А. В. Философия пост-структурализма во Франции... С. 82.

Французский традиционалист Ренне Геннон так рассматривал эту трехчастную конструкцию исторической реальности: преמודерн, модерн, постмодерн, представляя ее в образе Яйца Мира. «Геннон описывает вселенную как “яйцо” у которого в золотом веке, в условиях традиционного общества верхушка открыта, а во Вселенную поступают световые лучи Божества, пронизывающие всю Вселенную, наполняющие ее высшим духовным смыслом»⁵.

Закрытие Яйца Мира сверху — это эпоха материализма, Просвещения, Нового времени — т. е. это парадигма модерна. Открытие Яйца Мира снизу происходит в постмодерне. «Геннон называет это вторжением «орд гогов и магогов», — пишет Дугин по этому поводу, — проникающих в среднее пространство Яйца Мира из-под нижней скорлупы и начинающих разъедать ткань реальности. Геннон в «Царстве количества и знаках времени» говорил о таком явлении, как великая пародия, когда наступают открытость и отсутствие четкой фиксации какого-то конкретного предмета относительно себя самого, распыляется даже материалистическая естественнонаучная идентичность объектов. Тогда дает о себе знать демонически изворотливая многомерность предметов — ироничных, мигающих, заставляющих себя потреблять, требующих, чтобы их снимали»⁶.

Однако, так как задача нашей работы исследовать постмодернизм в романе «Бесы» Ф. М. Достоевского, нам придется резко повернуть вектор нашего движения в сторону идейно-художественного замысла русского писателя, задав следующий вопрос: в этом требовании смерти человека со стороны постструктуралистов разве не слышен отголосок демонического дискурса, ибо дьявол «человекоубийца от начала» (Ин. 8;44). В этом своем требовании отказаться непременно от любой формы субъективности не находится ли опасность стать на сторону вечного врага человеческого рода? Можно ли следующие слова, относящиеся к Фуко, отнести и к Достоевскому: «Он (Фуко — прим. В. П.), подобно Ницше, **устал от человека**» (выделено мной) и от всего, что с ним связано.

Поэтому он отказывается от человека в нигилистическом жесте, открывая, что сила (побуждение, желание, действие) не нуждается в непреходящем действующем субъекте, как не нуждаются в нём силы

---

⁵ Дугин А. Г. Радикальный Субъект и его дубль. URL: <http://www.platonizm.ru/book/export/html/124>. (дата обращения: 01.04.2016).

⁶ Там же.

природы»⁷. С. И. Фудель, русский религиозный мыслитель, отзываясь о Достоевском, пишет: «Любовь к человеку — ключ к художественному творчеству Достоевского... Достоевский не мог не любить каждого, чувствуя, что за каждым стоит Христос»⁸.

«Демоническое вторжение», как отличающийся знак эпохи постмодерна описал в своем романе «Бесы» Ф. М. Достоевский. Евангельский пассаж об исцелении гадаринского бесноватого он вложил в качестве эпиграфа своего романа-трагедии. В замечательной статье «Бесы и большевистская революция» Ф. А. Степун объясняет, что Достоевский в этом своем произведении раскрыл метафизические основы большевизма. По его мнению, это художественное произведение сложилось вследствие раздумий Федора Михайловича о «неизбежности столкновения между «европейским антихристом» и «русским Христом»; и вопросом, всегда волнующим его «не заразится ли Россия западными ядами атеизма, позитивизма и социализма».

В христианстве существует традиция, восходящая к блаженному Августину, называть дьявола обезьяной Бога. Здесь имеется в виду то, что дьявол творит некие пародии на чудеса, чтобы добиться полного подчинения себе человека. Как Бог творит чудеса, чтобы спасти человека, так и дьявол творит ложные чудеса, чтобы обмануть и погубить его. Больше всего, дьявол пытается делать пародию на Тайнство Боговоплощения. Поглотить собой, своей демонической энергией человека, все его существо, составляет план «Великой Пародии» павшего ангельского мира.

«Наша брань не против крови и плоти, — пишет апостол Павел, — но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной» (Еф.6:12). Апостол говорит «против духов злобы поднебесной», указывая этим на место их пребывания «под небесами». Ниспавши с небес, они не упали полностью на землю, ибо Христова Церковь не позволяет им полностью «воплотиться», «вочеловечиться», превратить человеческое общество в Дяволополис.

Идейный замысел романа «Бесы» состоит именно в том, чтобы показать, как человеческий полис превращается в Дяволополис — город

---

⁷ Дьяков А. В. «Открытая философия»: Фуко и Ницше. URL: <http://www.jkhora.narod.ru/2007-01-05.pdf>. (дата обращения: 03.04.2016).

⁸ Фудель С. И. Наследство Достоевского // Фудель С. И. Собр. соч.: в 3 т. М., Русский путь, 2005. Т. 3. С. 137.

Лжи и существующего небытия. Темные супостатские силы охватывают собой героев Достоевского — от Кириллова и Ставрогина, до Верховенского, Шигалева и Шатова. Демоническая составляющая их личности выявляет себя в их деструктивном действии. Бес Ставрогина мучит Лизу, предлагая ей вспышку слепой страсти вместо настоящей любви. Бес Кириллова мучит его самого, толкает его в нигилистический эксперимент, предлагая беспричинное, метафизическое самоубийство. В лице Шатова бес подвергает христианство ироническому дискурсу, поскольку навязывает своему адепту «веру в народ-богоносец без веры в Бога». Можно сказать, что идейный замысел автора «Бесов» был в том, чтобы художественно представить, как люди, «одержимые инфракорпоральными демонами» (понятие А. Г. Дугина) разрушают мир. Личность, одержимая демоном, уничтожает себя (Кириллов), или ближнего (Ставрогин), или Россию (Верховенский), или христианство (Шатов).

Нас, впрочем, занимает, собственно, другой вопрос: указал ли Достоевский на выход из надвигающейся опасности — демонизации человека и общества? Не парализовал ли сотериологическую составляющую художественной интуиции Достоевского тот мистический ужас раздвоения, который наполняет собой героев этого романа-трагедии? Не провозгласил ли в своем пророческом произведении Федор Михайлович окончательную победу дьявола над человеком, или все-таки указал на возрождающий человека свет, который «во тьме светит и тьма не объяла Его» (Ин. 1:5). В произведениях Достоевского художественный центр тяжести, или сила изображения — религиозно обоснованы. Несомненно, что вся композиция романа «Бесы» вращается вокруг следующей оси — показать постмодернистское состояние русской интеллигенции, становящейся сосудом демонов, вследствие увлечения безбожно-аморальным социализмом.

Однако, несмотря на то, что это произведение представляет собой чистую трагедию зла, Достоевский строит свою идейно-художественную постановку так, что его герой, находящийся под властью метафизического зла, все-таки может добраться до божественного света. Не хотел ли отечественный писатель, в сцене исповеди Ставрогина, показать, что постпетровская беспочвенная интеллигенция оторвалась от своих метафизических корней, и, чтобы выздороветь, она должна прийти ко Христу. Беспочвенность русской интеллигенции отражается так, что она, с одной стороны, оторвалась от Христа, а с другой — от своего народа. Не удивляет, что в запрещенной главе Тихон хочет, чтобы

Ставрогин для искупления своего преступления принял подвиг тайного монашества. Возвращение к своей национальной почве возвысившейся над народом интеллигенции, возможно только через возвращение ко Христу. «Он (Достоевский — прим. В. П.) требовал от художественного произведения не только передачи «действительного», но и предчувствия будущего», — пишет А. Л. Бем⁹.

Становится очевидным, что за сюжетным построением исповеди Ставрогина (не выпущенной из-за категорического запрета Каткова, тогдашнего редактора «Русского Вестника» а против воли самого писателя), которую рисует Достоевский-художник, скрывается прозорливое убеждение Достоевского-мыслителя, что только Христос может снять трудное бремя отщепенства с революционной интеллигенции, и вернуть ее оправданную и очищенную на народную почву. Трагедия Ставрогина, по мнению Мережковского в том, что не доводит до конца ни своей веры, ни своего безверия. С другой стороны, нам кажется, что Мережковский не прав, заявляя, что «не столько Ставрогин убивает себя, сколько Достоевский убивает его»¹⁰. В этом смысле, не ближе ли истине Сергей Иосифович Гессен, предпочитающий относить мысли высказывающиеся Тихоном самому Достоевскому, что даже самое страшное преступление будет прощено Христом — «если только достигнете того, что простите сами себе». «По Достоевскому, — пишет Гессен, — Бог выше добра и зла, и эта основная идея отрицательного богословия высказывается в данном случае Тихоном для того, чтобы показать Ставрогину возможный еще и для него путь спасения»¹¹.

«Бесы» являются результатом пророческого видения Достоевского, как одержимая таинственными бесовскими силами, революционная интеллигенция разрушает христологию России. По верному замечанию Степуна «всем должно быть ясно, что «Бесы» гораздо в большей степени произведение пророческое, чем злостно-сатирическое»¹² Достоевский не придумывает трагическую смерть Ставрогина, а он лишь созерцает как (чем) заканчивается утопическое безумие — выхолостить из народного тела религиозную составляющую и превратить Россию

---

⁹ Вокруг Достоевского: В 2 т.: О Достоевском: сб. ст. под ред. А. Л. Бема / сост., вступ. ст. и коммент. М. Магидовой. М.: Русский путь, 2007. Т. 1. С. 384.

¹⁰ Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Наука, М., 2000. С. 184.

¹¹ Гессен С. И. Трагедия зла (философский образ Ставрогина). URL: <http://odinblago.ru/path/36/3> (дата обращения: 03.04.2016).

¹² Степун Ф. А. Встречи. Аграф, М., 1998. С. 75.

в испытательный полигон перевернутой, секулярной эсхатологии. Построить Царствие Божие на земле без Бога. Осчастливить человека без Бога и против Бога. Совершенно очевидно, что здесь можно повторить мысль С. И. Фуделя о том, что творец «Бесов» «до последней минуты старается найти в преступниках возможность спасения»¹³.

Поэтому в уста Тихона Достоевский вкладывает страшные слова из Откровения ап. Иоанна Богослова: «И Ангелу Лаодикийской церкви напиши: «так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия: знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих. Ибо ты говоришь: «я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды»; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг» (Откр. 3:14–17). Этими словами автор желает, по всей видимости, последний раз предупредить атеистически настроенную интеллигенцию, что дорога религиозного опошления и нравственного раздвоения ведет в тупик и в самоуничтожение.

Другой момент в этом романе-трагедии, кроме «Исповеди Ставрогина», выражающий метафору сотериологического выхода, представляет брак Ставрогина с Марьей Тимофеевной Лебядкиной. «Подходя к вопросу о женитьбе Ставрогина, — пишет Ф. А. Степун, — трудно не видеть, что обостряющее фабулу романа загадочное венчание Ставрогина с хромоножкой таит в себе веру Достоевского в то, что исцелиться от всех своих духовных недугов опустошенная безверием революционная интеллигенция может только соприкоснувшись с народом и матерью-землей, веру в которую исповедует хромоножка»¹⁴.

В судьбе Степана Трофимовича Верховенского, Достоевский показывает, как вера русского человека в прогресс и воодушевленные западной культурой оборачиваются духовным прозрением и восстановлением веры в духовно-культурный потенциал собственного народа. Перед смертью случайная попутчица, которой он рассказывает всю свою жизнь, читает ему Евангелие, и он сравнивает одержимого, из которого Христос изгнал бесов, вошедших в свиней, с Россией. Известный факт, что художественный прием чтения Священного Писания русский писатель использовал, для того, чтобы сотериологически обострить фабулу романа. Это особенно заметно в романе «Преступление и наказание». В основу этого произведения легла идея о том, что для того чтобы

¹³ Фудель С. И. Наследство Достоевского // Фудель С. И. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3... С. 61.

¹⁴ Степун Ф. А. Встречи... С. 78.

искупить грех, человек должен пройти через добровольное страдание. Соня Мармеладова читает Раскольникову евангельский пассаж о воскресении Лазаря, внушая тем самым читателю мысль о том, что Достоевский верил в то, что духовное разложение человека, сколько бы не было его нравственно-духовное тело охвачено тлением, не может остановить бесконечную божественную любовь подать прощение ищущему.

Идейное содержание, а может быть и развязку художественного замысла, вложенную в роман-трагедию «Бесы», дает Евангельский рассказ об исцелении гадаринского бесноватого. В судьбе бесноватого проглядывается всемирно-историческая судьба России. Бесноватый — это либеральная европеизированная постпетровская интеллигенция, не имеющая власти над собой, одержима бесом европоклонства. Одержимый падает к ногам Христа и тогда нечистые силы в нем кричат Христу: «Зачем Ты пришел? Оставь нас, уйди!» И Спаситель спрашивает: «А как вас звать» — «Нам имя легион», т. е. целое полчище сидит в этом человеке — в русской интеллигенции. Однако любвеобильный Богочеловек исцеляет бесноватого, позволив демонам войти в стадо свиней. А дальше происходит что-то очень страшное. Услышав от пастухов о случившемся, люди спешат ко Христу. И тут происходит ужасная вещь: вместо того, чтобы прославить Христа и обрадоваться исцелению человека, Гадаринцы увидев, что их свиньи погибли, обращаются ко Христу и говорят: «Уйди из наших пределов». Именно это является состоянием постмодерна — человечество, которое выбирает материальную прибыль и благополучие, а не Христа. Человек постмодерна — это человек лишенный вертикального измерения экзистенции. В этом смысле Гадара — это метафора Дьяволополиса, где люди служат идолу Мамоне, деньгам, а не Христу. Постмодернистская Гадара — западноевропейский мир, подобно гадаринским жителям, не хочет принять Христа, поскольку не хочет расстаться с неолиберальной экономической моделью и Россией, одержимой бесами.

Исцеленный — русская интеллигенция, готова пойти за Христом, но Он ей говорит: «Нет, иди к своим, расскажи им, что случилось». Исцеленная и укрепленная Христом русская интеллигенция должна вернуться к своему народу и свидетельствовать ему о Христе. Охристовленная Россия тогда должна помочь Гадаринской Европе, охваченной духом пустоты и небытия, так как кинувшиеся в море демоны не погибли вместе со свиньями, а вернулись в постмодернистско-гадаринскую Европу, потому что там не было Того Который единственно мог бы остановить их вторжение.

Идея Русского Христа найдет свое высшее выражение в образе князя Мышкина — главного героя романа «Идиот». Сегодняшнему расщепленному русскому человеку — Ставрогину, Достоевский предпочитает сострадательного благородного князя как олицетворение грядущего русского Христа¹⁵. Будем надеяться, что в глазах «прогрессивного» западного человека он не будет выглядеть как «Идиот».

Источники и литература

1. Достоевский Ф.М. Бесы. Азбука, СПб., 2010.
2. Дугин А.Г. Радикальный Субъект и его дубль. [электрон ресурс]. URL: <http://www.platonizm.ru/content/dugin-radikalnyy-subekt-i-ego-dubl>. (дата обращения: 30.03.2014).
3. Дьяков А.В. Философия пост-структурализма во Франции. Нью-Йорк: Издательство «Северный Крест», 2008.
4. Дьяков А.В. «Открытая философия»: Фуко и Ницше. [электрон ресурс] URL: <http://www.jkhora.narod.ru/2007-01-05.pdf>. (дата обращения: 30.03.2014).
5. Жирар Р. Достоевский: от двойственности к единству. ББИ, М., 2013.
6. Вокруг Достоевского: В 2 т. Т.1: О Достоевском: сб. ст. под ред. А. Л. Бема / сост., вступ. ст. и коммент. М. Магидовой. М.: Русский путь, 2007.
7. Степун Ф.А. Встречи. М., Аграф, 1998.
8. Трубецкой Н.С. Европа и человечество. М., «Лань», 2013.
9. Фудель С.И. Наследство Достоевского // Фудель С.И. Собр. соч.: в 3 т. М., Русский путь, 2005. Т. 3.

---

¹⁵ Идею о том, что Россия будет спасать Европу мы находим на страницах «Дневника писателя»: «Европа постучит в нашу дверь и будет просить ее спасти, когда наступит ее последний час и существующему порядку вещей будет грозить гибель. Она обратится к нам за помощью не без некоторого права, она потребует, чтобы мы ей эту помощь оказали. Она нам скажет, что мы составляем часть ее самой, и что, следовательно, один и тот же порядок вещей у нее, и у нас. Что мы не даром учились у Европы 200 лет и хвастались, что мы европейцы. Стало быть, спасая ее, мы спасем сами себя. Будущее Европы принадлежит России» (Цит. по: Достоевский в архивах Свободы: к 130-летию со дня смерти писателя. Передача третья. электрон ресурс. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/2299721.html>. (дата обращения: 03.04.2016).

Hierodeacon Vladimir (Palibrk). The Paradigm of Post-Modernism in F. Dostoevsky's Novel Demons.

The author of this article analyzes the construction of the paradigm of Post-Modernism based on F. Dostoevsky's novel *Demons*. Post-Modernism is defined here as the state of the demonization of man and society from the point of view of traditionally and religiously minded thinkers such as A. Dugin and R. Guénon. The plot of *Demons* is centered around an attempt to show the postmodern state of the Russian intelligentsia, which is becoming a vessel for demons because of its fascination with atheistic and amoral socialism. In *Demons*, Dostoevsky is able to show how the intelligentsia of the Post-Petrine era has become separated from its metaphysical roots and how it, in order to be healed, must return to Christ. The separation of the intelligentsia from its roots is revealed both in its separation from Christ, on the one hand, and from its nation, on the other. It is thus of no surprise that in the censored chapter, Tikhon wishes for Stavrogin to atone for his crime by accepting the struggle of monasticism in secret. A return to one's national roots is possible only through a return to Christ. Demonic possession as a representative symbol of the era of Post-Modernism is described by the author, however, without any agony of despair since Christ in Dostoevsky's novels is always next to the sinner and awaits the sinner's conversion with a stretched out salvific right hand. Thus, a characteristic feature of Dostoevsky's demonology is that despite the terror of demonic possession of the human world and the demonic influence on people, the world itself does not become a demonic structure and retains room for theodicy and anthropodicy. God's Word can still be heard in all of the novels of Dostoevsky's "Greatest Five", even in *Demons*. The fact that Stepan T. Verkhovensky was able to respond to it testifies to the soteriological end of this narrative.

Keywords: paradigm of post-modernism, *Demons* (novel), Fyodor Dostoyevsky, demonic interference, salvation, Russia with Christ, Post-Modern Europe.

Hierodeacon Vladimir (Palibrk) — postgraduate student at Saint Petersburg Theological Academy (borispalibrk@yahoo.com).